

Леонтьев Константин Николаевич

Византизм и славянство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Николаевич Л.**
Византизм и славянство / Леонтьев Константин Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 133 с.

ISBN 978-5-519-93179-3

ISBN 978-5-519-93179-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чество, вдохновляясь древними и Византійскими образцами, производить новыя сочетанія необычайной красоты, и т. д.

У насъ же со времени Петра принимается все это уже до того переработанное по своему Европой, что Россія, по видимому, очень скоро утрачиваетъ Византійскій свой обликъ.

Однако это не совсемъ такъ. Основы нашего, какъ государственнаго, такъ и домашняго, быта остаются тѣсно связаны съ Византизмомъ. Можно бы, если бы мѣсто и время позволяли, доказать, что и все художественное творчество наше глубоко проникнуто Византизмомъ въ лучшихъ проявленіяхъ своихъ. Но такъ какъ здѣсь дѣло идетъ почти исключительно о вопросахъ государственныхъ, то я позволю себѣ только напомнить о томъ, что Московскій дворецъ нашъ своеобразнѣе зимняго, и былъ бы и лучше его, если бы былъ нестрѣе, а не бѣлый, какъ сначала, и не песочный, какъ теперь, но тому что нестрота и своеобразіе болѣе Византійской (чѣмъ Петербургъ) Москвы пріятнѣе всѣхъ иностранцевъ. Cyrrien Robert говоритъ съ радостью, что Москва есть единственный Славянскій городъ, который онъ видѣлъ на свѣтѣ; Ch. de Mazade, напротивъ того, говоритъ съ бѣшенствомъ, что самый видъ Москвы есть видъ Азіятскій, чуждый муниципально-феодалной картинѣ Запада и т. д. Кто изъ нихъ правъ? Я думаю оба, и это хорошо. Я напомню еще, что наша серебряная утварь, наши иконы, наши мозаики, созданія нашего Византизма, суть до сихъ поръ почти единственное спасеніе нашего эстетическаго самолюбія на выставкахъ, съ которыхъ пришлось бы намъ безъ этого Византизма бѣжать, закрывши лицо руками.

Скажу еще мимоходомъ, что всѣ наши лучшіе поэты и романисты: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ, оба Графа Толстые (и Левъ и Алексѣй), заплатили богатую дань этому Византизму, той, или другой, его сторонѣ, государственной, или церковной, строгой, или тешой...

Но жарка свѣча
поседлива
Предъ иконою Божіей
Матери.¹

¹ Кольцовъ.

Точно также Русскій Византизмъ, какъ и возгласъ Пушкина:

Иль Русскаго Царя бевильно слово?

Иль намъ съ Европой спорить ново?

Иль мало насъ?..

Семья?... Но что жъ такое семья безъ Религіи? Что такое Русская семья безъ Христіанства? Что такое, наконецъ, Христіанство въ Россіи безъ Византійскихъ основъ и безъ Византійскихъ формъ?..

Я удержусь, и больше ничего здѣсь не скажу ни объ эстетическомъ творчествѣ Русскихъ, ни объ семействѣ нашей жизни.

Я буду говорить нѣсколько подробнѣе лишь о государственной организаціи нашей, о нашей государственной дисциплинѣ.

Я сказалъ, что у насъ при Петрѣ пришло много цивилизующее, до того уже по своему переработанное Европой, что Государственная Россія какъ будто бы вовсе утратила не только обликъ Византизма, но и самыя существенныя стороны его духа.

Однако, сказалъ я, это не совсѣмъ такъ. Конечно, при видѣ нашей гвардіи (*la garde*), обмундированной и марширующей (*marschiren*) по Марсову полю. (*Champ de Mars*) въ Санкт-петербургѣ, не подумаешь сейчасъ же о Византійскихъ легіонахъ.

При взглядѣ на нашихъ Флигель-Адъютантовъ и Камергеровъ, не найдешь въ нихъ много сходства съ крещенными преторіанцами, палатинами ² и евнухами Θεодосіа, или Іоанна Цимисхія. Однако это войско, эти придворные, занимающіе при этомъ почти всѣ и политическія и административныя должности, покоряются и служатъ одной идее Царизма, укрѣпившейся у насъ со времени Іоанновъ, подъ Византійскимъ вліяніемъ.

Русскій Царизмъ къ тому же утверждень гораздо крѣче Византійскаго Кесаризма, и вотъ по чему:

Византійскій Кесаризмъ имѣлъ диктаторіальное происхожденіе, муниципальный избирательный характеръ.

Цинциннатъ, Фабій Максимъ и Юлій Цезарь перешли постепенно и вполне законно сперва въ Августа, Траяна и Діоклетіана, а потомъ въ Константина, Юстиніана, Іоанна Цимисхія.

Сперва диктатура въ языческомъ Римѣ имѣла значеніе за-

² *Primicerius sacri cubiculi, castrensis* и т. д.

конной, но временной, мѣры всемогущества, даруемаго священнымъ городомъ одному лицу; потомъ, посредствомъ законной же юридической фикціи свѣщенный городъ перенёсъ свои полномочныя права, когда того потребовали обстоятельства, на голову пожизненнаго диктатора-Императора.

Въ IV же вѣкѣ Христіанство воспользовалось этой готовой властью, привычной для народа, нашло въ ней себѣ защиту и опору, и помазало по Православному на новое царство этого пожизненнаго Римскаго Диктатора.

Естественность этой диктаторіальной власти была такова, привычка народовъ къ ней такъ сильна, что подъ властью этихъ крещенныхъ и помазанныхъ Церковью диктаторовъ, Византія пережила Западнѣй языческій Римъ на 1100 слишкомъ лѣтъ, т. е., почти на самый долгій срокъ государственной жизни народовъ (Болѣе 1200 лѣтъ ни одна государственная система, какъ видно изъ исторіи: не жила: многія государства прожили гораздо меньше).

Подъ вліяніемъ Христіанства законы измѣнились во многихъ частностяхъ; новое Римское Государство, еще и прежде Константина утратившее почти всѣ существенныя стороны прежняго конституціоннаго аристократическаго характера своего,³ обратилось, говоря нынѣшнимъ же языкомъ, въ государство бюрократическое, централизованное, самодержавное и демократическое (не въ смыслѣ народовластія, а въ смыслѣ равенства; лучше бы сказать эгалитарное). Уже Діоклетіанъ, предшественникъ Константина, послѣдній изъ языческихъ Императоровъ, тщетно боровшійся противу наплыва Христіанства, былъ вынужденъ, для укрѣпленія дисциплины государственной, систематически организовать новое чиновничество, новую лѣстницу властей, исходящихъ отъ Императора (У Гизо можно найти въ «Histoire de la Civilisation» подробную таблицу этихъ властей, служившихъ градативно новому порядку).

Стъ воцареніемъ Христіанскихъ Императоровъ, къ этимъ новымъ чиновническимъ властямъ прибавилось еще другое, несравненно болѣе сильное, средство общественной дисциплины—власть Церкви, власть и привилегія Епископовъ. Этого орудія древній Римъ не имѣлъ; у него не было такого сильного жрече-

³ Я нарочно для ясности называю эти вещи по нынѣшнему приблизительно.

скаго, привилегированнаго сословія. У Христiанской Византіи явилось это новое и чрезвычайно спасительное орудіе дисциплины.

Итакъ, повторяю, Кесаризмъ Византійскій имѣлъ въ себѣ, какъ извѣстно, много жизненности и естественности, сообразной съ обстоятельствами и потребностями времени. Онъ опирался на двѣ силы: на новую религію, которую даже и большая часть не христiанъ (т. е., атеистовъ и деистовъ) нашего времени признаетъ наилучшей изъ всѣхъ дотошъ бывшихъ религій,⁴ и на древнее государственное право, формулированное такъ хорошо, какъ ни одно до него формулировано не было (на сколько намъ извѣстно, ни Египетское, ни Персидское, ни Аѳинское, ни Спартанское). Это счастливое сочетаніе очень древняго, привычнаго (т. е., Римской диктатуры и муниципальности) съ самымъ новымъ и увлекательнымъ (т. е., съ Христiанствомъ) и дало возможность первому Христiанскому Государству устоять такъ долго на почвѣ расшатанной, полусгнившей, среди самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

Кесарей изгоняли, мѣняли, убивали, но святыни Кесаризма никто не касался. Людей мѣняли, но измѣнять организцію въ основѣ ея никто не думалъ.

Относительно Византійской исторіи надо замѣтить еще слѣдующее. Въ нашей образованной публикѣ распространены о Византіи самыя превратныя, или, лучше сказать, самыя вздорныя, одностороннія, или поверхностныя, понятія. Наша историческая наука была до послѣдняго времени незрѣла и лишена самобытности. Западныя писатели почти всѣ долго страдали (иногда и безсознательнымъ) пристрастіемъ или къ республиканству, или къ феодализму, или къ католичеству и протестанству, и по тому Византія самодержавная, Православная и вовсе уже не феодальная, не могла внушать имъ ни въ чемъ ни малѣйшаго сочувствія. Есть въ обществѣ, благодаря извѣстному складу школьнаго обученія-

⁴ Шоппенгауеръ предпочитаетъ Буддизмъ Христiанству, и извѣстный компиляторъ Бюхнеръ поддерживаетъ его въ этомъ. Но интересно, что Буддизмъ, не признающій личнаго Бога, по словамъ его же защитниковъ, во многомъ другомъ боже, нежели всякая другая религія, приближается къ Христiанству. На примѣръ: ученіемъ кротости, милосердія къ другимъ и строгости аскетизма къ себѣ.

Христiанство содержитъ въ себѣ все, что есть сильнаго и хорошаго во всѣхъ другихъ религіяхъ.

благодаря извѣстному характеру легкаго чтенія и т. п., привычка, не долго думая, чувствовать симпатію къ инымъ историческимъ явленіямъ и почти отвращеніе къ другимъ. Такъ, на прим., и школа, и стихи, и множество статей и романовъ, пріучили всѣхъ насъ съ раннихъ лѣтъ съ содроганьемъ восторга читать о Марафонѣ, Саламинѣ и Платеѣ и, отдавая все сочувствіе наше Еллинскимъ республиканцамъ, смотрѣть на Персовъ почти съ ненавистью и презрѣніемъ.

Я помню, какъ я самъ, прочтя случайно о томъ какъ, во время бури, Персидскіе вельможи бросались сами въ море, чтобы облегчить корабль и спасти Ксеркса, какъ они поочередно подходили къ Царю и склонялись передъ нимъ прежде, чѣмъ кинуться за бортъ... Я помню, какъ прочтя это, я задумался и сказалъ себѣ въ первый разъ (а сколько разъ приходилось съ дѣтства и до зрѣлаго возраста вспоминать о классической Греко-Персидской борьбѣ!): «Герценъ справедливо зоветъ это Персидскими Оермопилами. Это страшнѣе и гораздо величавѣе Оермопилъ! Это доказываетъ силу идеи, силу убѣжденія, большую, чѣмъ у самыхъ сподвижниковъ Леонида; ибо гораздо легче положить свою голову въ пылу битвы, чѣмъ обдуманно и холодно, безъ всякаго принужденія, рѣшиться на самоубійство изъ за религіозно-государственной идеи!»

Съ этой минуты, я сознаюсь, сталъ на древнюю Персію смотрѣть уже не такъ, какъ пріучила меня школа 40 и 50 годовъ, поэзія и большинство историческихъ, попадавшихся мнѣ, сочиненій. Я полагаю, что у многихъ есть какія ни будь подобнаго рода воспоминанія.

Мнѣ главная причина тутъ въ томъ, что Персія не оставила намъ такихъ хорошихъ литературныхъ произведеній, какъ оставила Еллада. Греки умѣли изображать все реальнѣе и осязательнѣе, теплѣе другихъ своихъ сосѣдей и современниковъ, и отъ того мы ихъ знаемъ лучше и любимъ больше, не смотря на всѣ ихъ пороки и ошибки.

Молчаніе не всегда есть признакъ безсодержательности. G. Sand хорошо называла иныхъ людей, исполненныхъ ума и души, но не одаренныхъ умѣньемъ выразить свою внутреннюю жизнь, *les grands muets*; къ такимъ людямъ она причисляла и извѣстнаго ученаго G. S.-t.-Hilaire, который, по видимому, многое понималъ и предвидѣлъ глубже своего товарища и соперника,

рые сѣмѣли бы приучить наше воображеніе и сердце къ образамъ этого міра, съ одной стороны столь далеко отошедшаго, а съ другой вполне современнаго намъ и органически съ нашей духовной и государственной жизнью связаннаго.

Предисловіе къ одной изъ книгъ Амедея Тьерри (*Derniers Temps de l' Empire d' Occident*) содержитъ въ себѣ прекрасно выраженные жалобы на пренебреженіе Западныхъ писателей къ Византійской исторіи. Онъ приписываетъ, между прочимъ, много важности пустой игрѣ словъ *Bas-Empire* (Нижняя Имперія, Имперія низкая, презрѣнная), и называетъ лѣтописца, который первый раздѣлилъ Римскую Исторію на Исторію Верхней (Италійской) и Нижней (Греческой) Имперіи, лѣтописцемъ неудачливымъ, неловкимъ, несчастнымъ (*malencontreux*).

«Не надо забывать, говоритъ Тьерри, что именно Византія дала человѣчеству совершеннѣйшій въ мірѣ религіозный законъ—Христіанство. Византія распространила Христіанство; она дала ему единство и силу.»

«И между гражданами Византійской Имперіи, говоритъ онъ далѣе, «были люди, которыми могли бы гордиться всѣ эпохи, всякое общество!»

ГЛАВА II.

Византизмъ въ Россіи.

Я сказалъ, что Римскій Кесаризмъ, оживленный Христіанствомъ, далъ возможность живому Риму (Византіи) пережить старый Италійскій Римъ на цѣлую государственную нормальную жизнь, на цѣлое тысячелѣтіе.

Условія Русскаго Православнаго Царизма были еще выгоднѣе.

Перенесенный на Русскую почву Византизмъ встрѣтилъ не то, что онъ находилъ на берегахъ Средиземнаго моря, не племена долгой образованности и усталыя, не страны, стѣсненные враждебнымъ набѣгомъ, нѣтъ! онъ нашелъ страну дикую, новую, едва доступную, обширную, онъ встрѣтилъ народъ простой, свѣжій, ничего почти не испытывшій, простодушный, прямой въ своихъ вѣрованіяхъ.

Вмѣсто избирательнаго, подвижнаго, пожизненнаго диктатора, Византизмъ нашелъ у насъ Великаго Князя Московскаго, патріархально и паслѣдственно управлявшаго Русью.

Въ Византизмѣ царила одна отвлеченная юридическая идея: на Руси эта идея обрѣла себѣ плоть и кровь въ Царскихъ родахъ, священныхъ для народа.

Родовое монархическое чувство, этотъ Великорусскій легитимизмъ, былъ сперва обращенъ на домъ Рюрика, а потомъ на домъ Романовыхъ.

Родовое чувство, столь сильное на Западѣ въ аристократическомъ элементѣ общества, у насъ же въ этомъ элементѣ всегда гораздо слабѣйшее, нашло себѣ главное выраженіе въ монархизмѣ. Имѣя сначала вотчинный (родовой) характеръ, наше Государство этимъ самымъ развилось въ послѣдствіи такъ, что родовое чувство общества у насъ приняло Государственное направленіе. Государство у насъ всегда было сильнѣе, глубже, выработаниѣ не только аристократіи, но и самой семьи. Я признаюсь, не понимаю тѣхъ, которые говорятъ о семейственности нашего народа. Я видѣлъ довольно много разныхъ народовъ на свѣтѣ, и читалъ, конечно, какъ читають многіе. Въ Крыму, въ Малороссіи, въ Турціи, въ Австріи, въ Германіи, вездѣ я встрѣтилъ то же. Я нашелъ, что всѣ почти иностранные народы, не только Нѣмцы и Англичане (это уже слишкомъ извѣстно), но и столькіе другіе: Малороссы, Греки, Болгары, Сербы, вѣроятно (если вѣрить множеству книгъ и рассказовъ) и сельскіе или вообще провинціальныя Французы, даже Турки, гораздо семейственнѣе насъ, Великороссовъ.

Обыкновенно принято, что Турецкая семья—не семья. Это легко сказать и успокоиться. Другое дѣло сказать, что Христіанскій идеалъ семьи выше Мусульманскаго идеала. Это, конечно, такъ, и у тѣхъ Христіанскихъ народовъ, у которыхъ есть прирожденный, или выработанный ихъ исторіей, глубокий фамелизмъ, какъ, на прим., у Германскихъ націй, онъ и выразился такъ сильно, твердо и прекрасно, какъ не выражался дотолѣ ни у кого и нигдѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ нагляднѣе, надо, съ одной стороны, вспомнить несравненную ни съ чѣмъ другимъ прелесть семейныхъ картинокъ Диккенса, или Вальтеръ-Скотта, и съ менѣе геніальной силой, у всѣхъ почти Ангійскихъ писателей. А съ дру-

Кювье, но не могъ никогда восторжествовать надъ нимъ въ спорахъ. Наука, однако, во многомъ въ послѣдствіи оправдала St.-Hilaire'a. Быть можетъ и Персія была, сравнительно съ Греціей, такою же Grand Muet. Есть примѣры и ближе къ намъ. Если разсматривать жизнь Россіи со временъ Петра I и до нашихъ временъ, развѣ она многосложностью своихъ явленій не драматичнѣе, не поэтичнѣе, не богаче хотя бы исторіи и однообразно-переменчивой Франціи XIX вѣка? Но Франція XIX вѣка говоритъ о себѣ безпрестанно, а Россія до сихъ поръ еще не научилась говорить о себѣ хорошо и умно, и все еще продолжаетъ нападать на чиновниковъ, или заботиться о всеобщей пользѣ.

Римъ, средніе вѣка Европы, и тѣмъ болѣе Европа новѣйшаго, болѣе близкаго къ намъ, времени, оставили намъ также такую богатую, распространенную тысячами путей, литературу, что чувства, страданія, вкусы, подвиги и даже пороки Римлянъ, рыцарей, людей возрожденія, реформы, людей пудры и фижмы, людей Революціи и т. д., намъ знакомы, близки, болѣе, или менѣе, родственны. Отъ временъ Пизистрата, или даже отъ Троянской войны до временъ Бисмарка и Седанскаго плѣна, передъ нами проходитъ великое множество лицъ привлекательныхъ, или антипатичныхъ, счастливыхъ и несчастныхъ, порочныхъ и добродѣтельныхъ, но во всякомъ случаѣ множество лицъ живыхъ и понятныхъ намъ. Одинъ изъ насъ сочувствуетъ одному лицу, другой другому; одинъ изъ насъ предпочитаетъ характеръ аристократической націи, другому нравится демагогія; одинъ предпочитаетъ исторію Англіи временъ Елисаветы, другой Римъ въ эпоху блеска, третій Аѳины Перикла, четвертый Францію Людовика XIV, или Францію Конвента, но во всякомъ случаѣ, для большаго числа образованнаго общества, жизнь всѣхъ этихъ обществъ, жизнь живая, понятная хоть урывками, но понятная сердцу.

Византійское общество, повторяю, напротивъ того, пострадало отъ равнодушія, или недоброжелательства, писателей Западныхъ, отъ неприготовленности и долгой незрѣлости нашей Русской науки.

Византія представляется чѣмъ-то (скажемъ просто, какъ говорится иногда въ словесныхъ бесѣдахъ), сухимъ, с. чнымъ, поповскимъ, и не только скучнымъ, но даже чѣмъ-то жалкимъ и подлымъ.

Между падшимъ языческимъ Римомъ и эпохой Европейскаго Возрожденія обыкновенно представляется какая-то зияющая темная пропасть варварства.

Конечно, литература историческая уже обладает нѣсколькими прекрасными трудами, которые населяютъ мало по малу эту скучную бездну живыми тѣнями и образами (Таковы, на пр., книги Амедея Тьерри).

Исторія цивилизаціи въ Европѣ Гизо написана и издана уже давнымъ давно. Въ ней мало повѣствовательнаго, бытоваго; но за то движеніе идей, развитіе внутренняго нерва жизни, изображено съ гениальностью и силой. Гизо имѣлъ въ виду преимущественно Западъ; однако, говоря о Церкви Христіанской, онъ долженъ былъ по неволѣ безпрестанно касаться тѣхъ идей, тѣхъ интересовъ, вспоминать о тѣхъ людяхъ и событіяхъ, которые были одинаково важны и для Западнаго и для Восточно-Христіанскаго міра. Ибо варварство, въ смыслѣ совершенной дикости, простоты и бессознательности, вовсе не было въ эту эпоху, но была, какъ въ началѣ уже сказалъ, общая Византійская образованность, которая переступала тогда далеко за предѣлы Византійскаго Государства, точно также, какъ переступала государственные предѣлы Еллады когда-то Еллинская цивилизація, какъ переступаетъ еще дальше теперь Европейская за свои политическія границы.

Есть и другія ученыя книги, которыя могутъ помочь намъ, если мы захотимъ восполнить нашъ недостатокъ представленій, которымъ мы, люди неспеціальные, страдаемъ, когда дѣло касается Византіи.

Но искать охотниковъ мало; и до тѣхъ поръ, пока найдутся хоть между Русскими, на пр., люди съ такимъ же художественнымъ дарованіемъ, какъ братья Тьерри, Маколей, или Граповскій, люди, которые посвятили бы свой талантъ Византизму... пользы живой, сердечной пользы, не будетъ.

Пусть-бы кто ни будь, на пр., передѣлавъ, или даже перевелъ просто, но изящно, на современнѣйшій языкъ Житія Святыхъ, ту старую Четь-Минею Димитрія Ростовскаго, которую мы всѣ знаемъ, и всѣ не читаемъ, и этого было бы достаточно, чтобы убѣдился, сколько въ Византизмѣ было искренности, теплоты, геройства и поэзіи.

Византія не Персія Зороастра; источники для нея есть; источники крайне близкіе намъ, но нѣтъ еще искусныхъ людей, кото-

// дома
для
дома,

гой, Германскую нравственную философію, которая первая разви-
ла строго идею семейнаго ~~дома для дома~~, даже въ релігіозной
заповѣди. Можно ли вообразить себѣ великаго Великорусскаго
писателя, который догадался бы прежде Нѣмцевъ изложить
такой взглядъ и положить его хорошо, оригинально, увлекательно?
Будемъ искренни и скажемъ, что это, можетъ быть, грустная
правда, но правда.

Что касается до художественныхъ изображеній, то пусть
только сравнить кто ни будь самыхъ даровитыхъ писателей на-
шихъ съ Англійскими, и онъ увидитъ тотчасъ же, до чего я правъ.
Развѣ можно сравнить семейныя картины Графа Л. Н. Толстого,
съ картинами Вальтеръ-Скотта, и особенно Диккенса? Развѣ тепло-
та «Дѣтства и Отрочества» можетъ сравниться съ теплотою, съ
какимъ-то страстнымъ эоическимъ лиризмомъ Копперфильда?
Развѣ семейная жизнь «Войны и Мира», семейные (весьма непо-
госложные) идиллическіе оттиски въ произведеніяхъ Тургенева
и Гончарова, равны обилію и силѣ идиллическихъ семейныхъ кра-
сокъ во всей Англійской литературѣ? Развѣ можно вообразить се-
бѣ великаго Русскаго поэта, который написалъ бы Колоколъ
Шиллера? Сильны ли семейныя чувства (сравнительно съ Герман-
скимъ, конечно) у Пушкина, у Лермонтова, и у самого полу-
мужика Кольцова?

Совсѣмъ ли былъ неправъ Вѣлинскій, когда надъ предис-
ловіемъ своимъ къ стихамъ Кольцова поставилъ эпиграфомъ сти-
хи Апол. Григорьева?

«Русскій бытъ—

Увы! совсѣмъ не такъ глядитъ,

Хоть о семейности его

Славянофилы намъ твердятъ

Уже давно, но, виновать,

Я въ немъ не вижу ничего

Семейнаго.»

Отъ чего широкій на всѣ руки Питерскихъ Писемскаго и
угрюмый, пострадавшій въ семьѣ, Бирюкъ Тургенева, всѣмъ
показались въ свое время естественнѣе, правдивѣе всѣхъ à
la G. Sand сельскихъ идиллій Григоровича? Григоровичъ зналъ
хорошо языкъ крестьянъ, вѣрно изображалъ многіе типы, у него
было чувство несомнѣнное, но онъ попалъ на ложную дорогу
слишкомъ уже добраго и твердаго фамиліизма, который... увы!
въ удѣлъ Великоруссу не достался!